

Замок на двоих. Пряжа короля эльфов

Автор:

Александра Черчень

Замок на двоих. Пряжа короля эльфов

Александра Черчень

Фейри живут под холмами

Король Неблагого Двора призывает к себе смертных девушек и заключает с ними контракт на семь лет.

Девы прядут нити для волшебства, а по истечении срока службы фейри отпускает их с наградой. И без памяти.

Но когда Элла впервые предстала перед королем, то вручила ему подарок. И согласно обычаям фейри потребовала в ответ услугу.

Свободу и волю.

Но над волшебной страной сгущаются тучи, в бездне просыпаются фоморы и сдержать их могут лишь по настоящему прочные нити.

Удастся ли спасти мир? А себя?

Александра Черчень

Замок на двоих. Пряжа короля фейри

Пролог

Миссис Томпсон уже полчаса перебирала отрезы разнообразных тканей и никак не могла выбрать материал для платья.

В данный момент в ее руках шуршала органза, и я мучительно пыталась сообразить, как бы намекнуть почтенной матроне, что этот материал скорее подходит для юных девушек. Особенно если хочешь сшить из него пышную юбку.

– Элла, как твои родители? – живо интересовалась поздняя клиентка. – И сама, оправилась ли после смерти бабушки?

Я вдвое сложила отрез мягкой шерсти, который предлагала миссис Томпсон до этого, и ответила:

– Мама с папой в порядке, спасибо за беспокойство. За год они почти пришли в себя. А я... меня очень выручило это занятие. – Я нежно провела ладонью по столу, столь же древнему, сколь и само здание, в котором располагалась мое ателье. – Работа лучшее лекарство от горя.

– И не говори, девонька, и не говори, – покивала седой головой старушка, которая приходила скорее для того, чтобы пообщаться, чем что-то купить. – А у нас на ферме что-то сплошные неприятности в последнее время, даже не знаю, что делать. Жаль дети подались в Дублин, так что одна одинешенька я.

Тут миссис Томпсон несколько лукавила, так как «бросившие» ее дети обеспечивали матери постоянную поддержку наемных работников. Так что было кому и коров доить и урожай собирать. Недавно даже новый трактор купили.

Но старушке очень не хватало общения.

– Да то молоко скиснет, хотя доили вечером, то зерно для посевной по амбару рассыпано. И чует сердце мое – что-то тут нечисто! Хотя работнички и говорят, что просто мешок упал верхний, да коты потом поигрались.

Я пожала плечами и сказала:

– Мне ли вас учить? Поставьте блюдечко с подношением для брауни. Мало ли, домовый дух шалит – на них это похоже.

Кому угодно другому я бы такое говорить не стала. Но старушка в дивный народец верила, а потому почему не поделиться своими соображениями?

– Да пробовала! – Миссис Томпсон всплеснула руками, и возмущенно уставилась на меня поблекшими глазами. В юности они наверняка напоминали своим цветом зеленые холмы нашей Ирландии, но с годами выцвели до оттенка пыльного бутылочного стекла.

– И ничего? Тогда можно попробовать не по-хорошему, а по-плохому. – Я покопалась в голове и, нахмурившись, перечислила: – Вроде как полынь хорошо работает, да ягоды рябины. Но лучше еще раз подношение оставить, вдруг это все же именно домовик-брауни и его рабочие по незнанию разозлили?

– Да, деточка, наверное, так и сделаю, – покивала старушка. Тронула морщинистыми пальцами плотный темно-синий лен. – Вот из этого станем шить. А по поводу мелких пакостников... Элла, ты бы знала, как отрадно с тобой о них поговорить. Нынешняя молодежь совсем не верит в фейри, потешаются надо мной... Потому даже если ты просто поддерживаешь диалог и не хочешь разубеждать старуху в ее иллюзиях – спасибо!

Я в ответ заверила, что всегда рада поболтать, и точно не считаю, что над историей нашей земли нужно смеяться.

А сама украдкой вздохнула и покосилась на темнеющее окно, в котором отражался освещенный огнями главный зал моего ателье.

Я бы и рада не верить в фейри. Да не получается.

До закрытия оставалось немного времени, потому я быстро сняла мерки, стараясь при этом не заострять внимания на зеркалах и стеклах. А точнее – на том, что в них отражалось.

Закончив замеры, я пообещала миссис Томпсон, что ее наряд на майский праздник обязательно будет готов к сроку, и я даже завезу ей его лично.

За клиенткой хлопнула дверь, отозвавшись едва слышным звоном колокольчиков, а после с улицы донеслось громкое урчание мотора старого форда. Старушка категорически отказывалась менять автомобиль на что-то более современное.

И я осталась наедине с собой.

Стараясь как можно скорее завершить все дела, я мечтала наконец-то подняться на второй этаж доставшегося от бабули домика. Там я уже давно занавесила все отражающие поверхности, а вот в самом ателье это было сложно сделать по техническим причинам.

В ушах зазвенело, и, словно сквозь туман, донесся мягкий мужской смех. Я потрясла головой и прерывисто выдохнула.

С начала весны зеркала стали вести себя странно. Даже проходя мимо магазинной витрины, я порой ловила краем глаза странную рябь, в которой вспыхивали бледно-синие огоньки. И оттуда доносился мужской голос, едва слышный, но отчетливый. Он шептал мое имя, словно бархатом касаясь ушей.

А уж когда я оставалась с зеркалом наедине... С любым зеркалом! В ванной, в коридоре, над туалетным столиком, с крошечным кругляшком на декоративной подставке, что стоял на моем столе...

Тогда обладателя бархатного голоса можно было увидеть. А шепот с наступлением сумерек становился все громче и громче.

– Элла, я жду тебя...

Ну вот, снова!

И если еще неделю назад я пыталась себя убедить, что слышать фейри в двадцать первом веке – моветон, то теперь мне лишь хотелось, чтобы все это закончилось.

Притом полынью никоим образом не помогала. Даже напротив, мои усилия, судя по всему, забавляли того, кто звал... во всяком случае, когда я раскладывала

сушеные ветки вокруг кровати, он от души веселился.

Я скользнула пальцами по рукавам и, щелкнув по рунической вышивке на манжетах, досадливо поморщилась. Обережные руны против волшебного народа тоже не действовали. То ли вышла я их неправильно, то ли тот, кто манит меня в холмы, оказался сильнее.

Впрочем, чему удивляться?

Я покачнулась, разум в очередной раз подернулся пеленой, а в ней... в ней звучали слова. Сказанные моим голосом, но не моими интонациями. Восторженными, вдохновенными, преклоняющимися, даже раболепными.

Мой король зовет меня.

Его волосы темнее самой непроглядной ночи, его глаза – как воды моря под ярким солнцем, его черты благородны и совершенны.

Я вижу его образ везде. Он смотрит на меня вместо моего отражения, он подмигивает сапфировым глазом из искаженного блеска заварочного чайника, он улыбается в бликах воды в кувшине... И трудно, так трудно оторвать взгляд от его узкого лица, от плавно изогнутых бровей, от губ, словно вышедших из-под резца гениального скульптора.

Мой король прекрасен так, что от восторга заходится сердце. И он любит меня! Он ждет меня!

В голове прояснилось так же быстро, как и затуманилось. Но если на момент начала морока я стояла за столом, то теперь замерла на противоположной стороне комнаты, распластав ладонь по темному стеклу. А с той стороны вырисовывался смутный силуэт... четкой и яркой была лишь белоснежная ладонь, прислоненная к окну с той стороны.

Изящная, узкая... с чересчур длинными пальцами. Нечеловеческая.

Фейри. Совершенство, у которого обязательно есть изъян. Безмерно красивый и – как и всякая красивая тварь в природе – безумно опасный представитель дивного народа.

Чтоб они там все передохли в полых холмах!

И это не я злая. Любой человек не отличается добротой, когда у него, учитывая все впечатления, едет крыша.

Стремительно развернувшись, я бегом бросилась к лестнице. Взлетев по ней, с грохотом захлопнула за собой дверь и прислонилась к дубовому массиву, прижимая ладонью бешено колотящееся сердце.

Хотелось слышать голос. Свой, не начарованный. Потому я говорила. И снова говорила.

– Нужно что-то делать!

Слова с трудом продирались сквозь сведенную страхом глотку, и голос звучал хрипло, надсадно, словно я долго кричала, а не вкрадчиво мурлыкала о прелести ушастого нелюдя из отражения.

– Для начала дотянуть до утра, а потом, например, все же уехать в Дублин к родителям.

И попросить контактики хорошего психотерапевта (а то и психиатра), если там это пройдет.

Но что-то подсказывало, что нет. Не пройдет.

Так что я решила, что очередную ночь проведу в изучении книг и своих старых, детских и подростковых записей.

Было время, когда я жила и дышала легендами своей земли. Собирала книги, захлеб рассказывала бабушке о том, что есть Благой Двор фейри, и им правят летние рыцари, во главе которых стоят король Оберон и королева Титания. А есть Неблагой... зимний, холодный. И на троне под каменными сводами сидит

прекрасная королева Мэб. Столь же великолепная, сколь и жестокая.

Я оставляла брауни молоко и кусок хлеба, политый медом. Я вешала засохшую рябину над входом, чтобы отпугнуть плохих фейри...

А бабушка лишь смеялась. Слушала мои сказки и делилась своими.

О том, что фейри боятся холодного железа. О том, что они не любят деньги, но обожают подарки и всегда отдают в ответ.

Потому и сложилось так, что я никогда не считала сказки о дивном народе совсем уж выдумкой. Если ты живешь в ирландской глубинке, не верить в существование фейри сложно, а уж мне и подавно. Бабушка рассказывала, что в возрасте трех лет я заигралась в саду, наверное, вышла через заднюю калитку и... пропала. А вернулась через сутки, когда паника родных уже перешла все пределы. Просто появилась на крыльце, в незнакомом, невероятно красивом платье, с цветами и ягодами в волосах и с подвеской на шее в виде четырехлистника. И отобрать у меня подвеску не смогли – я начинала истерично рыдать, когда до нее даже просто дотрагивались.

Сама я помню только много музыки и звонкого многоголосого смеха, а потом – кого-то большого, склонившегося ко мне, закрывшего солнце. Ни лица, ни слов в памяти не сохранилось, но его волосы, такие же светлые, как мои, сияли вокруг головы словно волшебный шлем. Кстати, я так и осталась блондинкой, хотя все мои родственники темноволосые.

И подвеска осталась. Именно ее с самого начала марта я сжимала в ладони, когда хотелось бежать из дома, бежать к тому, кто звал меня. В святой уверенности, что я припаду к ногам моего короля еще до того, как рассветное солнце выкрасит алым верхушки деревьев.

В голове вновь помутнело.

Припаду к его ногам... Коснусь дрожащими пальцами его одеяния, позволю себе поднять глаза на совершенное лицо...И он протянет ко мне руки, светясь любовью...

Я вслепую нашарила подвеску и выругалась.

Любовью, ну как же. Дивный лорд, полюбивший простую смертную, – такое бывает лишь в легендах. Да и там плохо заканчивается.

Почему-то появилось четкое ощущение, что эта ночь для меня последняя, когда можно что-то изменить. Думай, Элеонора Мак-Ринон, думай!

Почитать, кажется, не получится, так что стану полагаться на память.

Во-первых: железо!

Давным-давно бабушка подарила мне мой первый швейный набор. И он был не простой, а золотой! Вернее, железный. Старинный, с разными иглами, и что самое ценное – все они были железными. Современные-то... сплошной алюминий. А он не подходит.

Набор стоял на туалетном столике, зеркало на котором было накрыто покрывалом. И оно немедленно сползло, явив мне во всей красе прекрасный облик остроухого брюнета по ту сторону.

Он улыбался так, что я мигом ощутила себя единственной женщиной на всей земле! И, не иначе как по этой причине, крайне любимой.

– Эл-ла... – Он запрокинул голову, и еще раз произнес мое имя. Медленно, раскатисто... словно пробуя его на вкус. А после вновь взглянул на меня, притом так, что аж колени подкосились. – Как ты красива. Как ты изящна. Иди же ко мне, иди...

Если честно, захотелось влезть прямо в зеркало и тотчас рухнуть в пучину страсти, которую несомненно обещал этот пламенный взор по ту сторону!

Я стиснула четырехлистник так, что края врезались в кожу. Вот только помогал он все меньше и меньше.

– Нет.

– Нет? – Идеальная бровь изогнулась, а на лице фейри появился укор.

И мне немедленно стало стыдно за то, что я такого прекрасного мужика разочаровала!

Потому я на всякий случай выдала ритуальную фразу. По всем сказкам она должна была дать понять волшебному народу, что ему тут не рады:

– Власти твоей нет надо мной.

Хотелось бы сказать, что ответила я четко и уверенно, но увы. Я мямлила и вздыхала.

– Элла! Я устал ждать тебя! Я так хочу прикоснуться к тебе, ты такая красивая... такая изящная... Иди ко мне, моя девочка...

Мать его, величество! Да ты повторяешься!

И подкаты у тебя уровня средневековья. Пафосно и не оригинально.

Я усилием воли заставила себя подхватить с пола ткань и опять набросить на зеркало.

С той стороны возмущенно донеслось:

– Элеонора Мак-Ринон, я тебе не попугай! От меня так просто не избавиться.

А то я уже не поняла!

Что делать современному человеку, если его зовут фейри? Причем не первый раз в жизни... но в детстве я каким-то чудом вернулась домой. Вряд ли мне повезет снова.

От покрывала остроухий лорд, разумеется, избавился, но за это время я успела достать иглы, а также заготовку на перчатки с длиннющими такими пальцами, которую сделала еще прошлым вечером.

Покосившись в зеркало, я вдруг заметила крайне неприятную вещь: прекрасное лицо на миг исказилось гримасой скуки и... удивления?.. Да, мой король, я не бегу к тебе сломя голову и теряя туфельки. Хотя и понимаю, что долго сопротивляться не сумею.

Знать бы еще, это действительно король или кто-то из высоких лордов играет? С другой стороны, какая разница? Мне решительно нечего противопоставить феири любого статуса! Но нужно продержаться еще немного.

Чтобы доделать подарок.

Я снова взялась за иглу и сама залюбовалась вещицей, лежащей на коленях. Перчатки. Из тончайшей и очень, очень дорогой кожи, сшитые вручную. Почти готовые, осталось подрубить низ и сделать тиснение на левой.

Сначала я думала о шарфике, но как-то король поманил меня длинным пальцем, и этого хватило. Если уж я что умею – так это шить красивые вещи, и снимать мерки мне, на самом деле, не нужно. Достаточно глянуть. Наверное, это талант – я никогда, ни разу не ошиблась в размере.

– Элла...

Подожди, мой король. Я скоро. Я не могу явиться к тебе без подарка. Во-первых, это просто невежливо – не преподнести высокому лорду маленький, но красивый презент. А во-вторых... во-вторых, может быть, мне удастся удивить тебя?

Глава 1. О том, как Элла оказывается в волшебной стране и встречается с ее королем

Где я?..

Момент переноса из одного места в другое прошел мимо меня. Просто в голове помутилась и вот я уже не у себя дома.

Лес был невероятен.

Деревья-исполины, чьи серебряные кроны пронизаны солнечным светом, мягко роняли листву на широкий путь, вымощенный изумрудным камнем. По обе стороны стояли прекрасные фейри и рукоплескали мне!

А впереди на роскошном троне из переплетенных корней сидел ОН. Мой прекрасный король.

Который все же сумел затуманить мой разум.

Я сжала кулаки, чтобы удержаться от порыва подбежать к нему и рухнуть на колени возле ног. Избранница повелителя фейри, на которую с таким восторгом смотрят дивные лорды и леди, должна приблизиться величественно!

Я сжала... и ощутила выделанную кожу перчаток и иглу в ней, что глубоко вошла в плоть и заставила очнуться.

Морок схлынул настолько стремительно, словно с меня сдернули тонкую, как паутинка, вуаль.

Под покровом иллюзии мир казался радужным и воздушным словно облака. Реальность же куталась в ночной сумрак, пугала кривыми изгибами ветвей, мерзко хихикала из ближайших кустов.

– Пряха, новая пряха!

Я остановилась, стараясь выровнять дыхание, прерывистое, словно после долгого бега, а стертые ноги, казалось, прошагали не одну версту. Нули царапины, словно я продиралась сквозь кусты, не различая дороги.

А может, так оно и было.

Пропал чудесный лес, исчезли лорды и леди, лишь мрачная чаща вокруг да болотные огни кружат. Вместо широкой изумрудной дороги – узкая, извилистая тропа, заросшая шиповником, цепляющимся за платье и волосы.

Все тот же писклявый голосок пробормотал:

– Бледная какая... Ничего, нам на нее смотреть недолго осталось!

Я медленно двигалась по тропе, решив, что раз меня уже выманили из дома и я отмотала в бессознательном состоянии такое расстояние, то вернуться не получится. По крайней мере сразу.

Так что бежать обратно с воплями нет никакого резона. Лучше пройдусь... посмотрю, да послушаю. А может кого и поспрашиваю!

Заодно теорию о железе проверю.

Растения шевелились то справа, то слева, а бормотание то приближалось, то удалялось.

Кто-то из мелкой волшебной шушеры?

– Плетется как овца... человечка! – в пiske было столько презрения, что захотелось сделать гадость.

Я решила совместить этот порыв с полезными действиями! Потому не раздумывая от души пнула куст, откуда тотчас заверещали, и на дорожку выскочил... заяц. Заяц с уродливым человеческим личиком.

– Споткнулась, что ли? – озадаченно спросил он, усевшись на дорожку пушистой задницей. Похоже, он даже не допускал мысли о том, что у меня получилось сбросить колдовство высшего фейри. – Вот люди, мало того, что глупые, так еще и неуклюжие. Только на корм годятся! И для игр...

Мне очень хотелось воспользоваться заблуждением “зайчишки” и пнуть повторно!

Но я сдержалась. Я сделала лучше.

Схватила существо за длинные уши и, подняв на уровень глаз, продемонстрировала иглу. Заяц тоненько, на одной ноте завыл:

– Железо... холодное железо!

– Какая умная зайка, – восхитилась я и тронула кончиком пальца острие. – Знаешь, что с тобой будет, если загнать эту маленькую штучку тебе под шкурку, мой волшебный друг?

Я тоже пока не знала, но полагалась на осведомленность зайчишки в данном вопросе!

За угрозу мне было вот ни капли не стыдно, кстати. Особенно после громких заявлений о том, что люди только для того, чтобы их слопать, годятся. И для игр. Притом что-то мне подсказывало, что животина вовсе не картишки или шахматы имела в виду!

Фейри ничего не ответил, лишь вздернул верхнюю губу, обнажая клыки. На почти человеческом лице они смотрелись жутковато.

– Отпусти, смертная!

– Сначала задам пару вопросов. Кто зовет меня?

– Король Кэйворрейн выбрал новую пряху. Тебя.

Значит, действительно король.

Откуда-то сбоку раздалась мелодичная трель, которая напоминала скорее волшебную музыку, чем птичий голос. Я бросила взгляд в ту сторону и увидела, как мрачный лес вокруг затягивает туманом, в котором рождались прекрасные картины серебряной рощи. И образ мужчины на троне, от которого мое сердце начало биться чаще.

– Что я могу просить у фейри в обмен на подарок?

– Смотря у кого, – оскалился зайчик.

Музыка звучала все отчетливее, и к ней примешивались звонкие голоса певцов, а сверху царственно падали лепестки яблоневого цвета.

Времени совсем не осталось, морок вновь брал верх.

- Глаз – отличное место для иглы! – рявкнула я.

- Волю! Проси свободы воли и ясного разума, пряха...

Пряха?..

Уточнить я не успела. Пальцы разжались, выпуская уши неведомой тварюшки, а мир стремительно заволокло серебристым туманом, и в нем проступили уже знакомые очертания древесных исполинов. И король... мой король на троне.

Я должна к нему подойти, упасть на колени, коснуться полы одежды и плакать от счастья, что мне это дозволено. Жалкой смертной...

Лишь игла жгла руку, словно раскаленная, и временами я видела сквозь наведенный морок.

Не было серебряных деревьев и не было солнца. Лишь бескрайняя ночь, огромное небо, словно расшитое звездами, и каменная тропа под ногами. Сквозь стыки потрескавшихся плит прорастала трава и мягко светилась. Я видела каждый изгиб жилок внутри искрящихся фиолетовым растений.

А по обе стороны от дороги стояли они. Фейри.

Прекрасные и отвратительные, сверкающие от волшебной пыли и покрытые каменными наростами, словно на исполинах росли друзы драгоценных камней.

Высшие, в камзолах, расшитых золотыми нитями, и с длинными, словно шелковыми волосами, и низшие, в простой одежде и легких кожаных доспехах.

Откуда они все появились?.. Только что же никого не было.

И когда лес успел смениться каменными залами? Небо пропало, и над головой лишь стрельчатые своды, настолько высокие, что терялись во мраке.

Любые мысли пропали, когда я все же подошла к трону, стоящему прямо под огромной люстрой, словно целиком сделанной из льда, а сверху затянутой паутиной, на которой алмазами сверкала роса. Нет, вода была прекраснее любых камней...

ОН смотрел на меня с такой лаской и любовью, что хотелось расплакаться. Вся прошлая жизнь казалась такой мелкой и незначительной, что терялась в памяти, и я понимала, что она вела меня лишь к одному мигу. К этому. Когда нужно отречься от прошлого и посвятить себя служению ЕМУ. Отдать все, что мой король захочет взять.

– Пряха Элла, – в голосе его величества слышалось столько нежности, а в голубых глазах плясало синее пламя, и я хотела глядеть в него вечно. – Ты пришла ко мне.

– Король Кэйворрейн... – Я ощутила себя марионеткой, у которой ослабли нити, и рухнула на колени, продолжая с обожанием глядеть на фейри на троне. На языке по прежнему дрожало эхо его имени, вселяя сладкий трепет... а из глубины души поднималась необъяснимая злость и раздражение.

Мне не нравилось стоять на коленях. Но это странно. Разве для смертной может быть что-то более естественное, чем глядеть на высшего лорда снизу вверх?

Игла жгла ладони, развеивая дурман. А еще где-то на груди, под одеждой, холодила кожу подвеска-четырёхлистник, помогая прояснить разум.

Я с трудом удержалась от того, чтобы не вскочить сразу и не выругаться, чтобы окончательно удостовериться, что ко мне вернулся здравый смысл.

Без магического тумана его величество Кэйворрейн по прежнему был до омерзения красив, но сейчас к невольному восхищению примешивалась изрядная доля страха и отвращения.

Коленки ныли, и ноги даже сквозь все слои ткани холодил пол. Болело все тело, словно я пробежала марафон, а также ныли царапины. Сволочь! Это же сколько я прошла этой ночью?!

Тем временем его величество встало, выпрямившись во весь свой немалый рост, и звучно заявило:

– Я, Кэйворрейн Сумрачный Плетущий, властью, данной богами, Король Неблагого Двора, выбрал себе новую пряжу. Перед высшими силами и перед своими подданными я вручаю этой смертной свой дар и прошу немногого... моя прекрасная Элла, будешь ли ты со мной семь лет? Разделишь ли дни и ночи, закаты и рассветы, о златокошая смертная?

Я открыла рот, чтобы решительно заявить, что в гробу видала такие интересные предложения и все, чего хочу, – перестать лицеизредеть короля в каждой отражающей поверхности и вернуться домой!

А вместо этого я сдуру посмотрела в глаза его величества и утонула в их небесной глубине. Дальше язык уже действовал без согласования с мозгом.

– Да, о мой король.

Вот же!

– Прими же в знак доброй воли и в качестве защиты. – Кэйворрейн защелкнул на моем запястье возмутительно простенький для царского подарка браслет. – Теперь ты моя пряжа.

В голосе феири уже не было торжественности. Лишь рутинная констатация факта, словно у него таких вот Эллочек каждый год по пять штук приходит. Хотя, возможно, я не так уж далека от истины?

Я вогнала иглу под кожу, чтобы не продолжать кивать как глупая марионетка и, отведя взгляд в сторону от лица феи, протянула вперед сшитые перчатки и с трудом выговорила:

– Хочу поднести великому королю Неблагого Двора свой подарок.

Красивое лицо сначала слегка вытянулось от удивления, а после застыло. Мертвая тишина, что царила вокруг нас, нарушилась изумленными шепотками, похожими на шелест осенних листьев.

Но он быстро взял себя в руки. В те самые интересные ручки с чрезвычайно длинными пальцами, на которые сейчас и натянул сшитые мною перчатки.

– Впору... Спасибо, моя золотая пряжа. Чего ты хочешь попросить взамен?

Но в глазах вопреки ласковому голосу плескалась злость и тревога. Почему-то сейчас я отчетливо это понимала.

И мне было сложно, как же мне было сложно сказать всего две фразы.

– Я прошу свободы. Воли и разума!

Зал дрогнул и закачался, по стенам пошли трещины, а роскошная люстра прямо над нами опасно задрожала. Волшебные существа вокруг уже не стесняясь разговаривали, шипели, рычали и смеялись. А мне приходилось прилагать все больше сил только ради того, чтобы устоять на ногах. В глазах то темнело, то наоборот вспыхивали сразу все цвета радуги. Лишь лицо короля оставалось неизменным в этой круговерти.

И я вдруг четко поняла, что если я сейчас закрою глаза, то потеряю себя. На те самые семь лет.

А он все тянул и тянул, все молчал и молчал. А меня гнуло к земле, и я словно ощущала, что рук уже не две, а больше, много больше... восемь? Восемь лап?

И вновь свой-чужой голос шептал в голове...

Я буду счастлива, если это доставит радость моему господину. Пряха – сделает все для радости хозяина.

Железная игла вошла еще глубже в плоть, и я вяло удивилась тому, что она до сих пор не проткнула ладонь насквозь.

Но этот короткий миг помог мне решительно потребовать:

– Согласно договору, ваше величество! Я прошу того, что причитается мне по праву.

Он скривил красивые губы и сказал:

– Да будет так. Пряхе по имени Элла даруется воля и свобода на всей территории Неблагого Двора. Да будет так!

Облегчение затопило меня подобно океанской волне, и я с чистой совестью потеряла сознание.

Глава 2. О правах и обязанностях королевской пряжи

Как правило, попавший в сложную ситуацию человек, придя в себя, некоторое время уверен, что он дома, а все случившееся было просто дурным сном. Жаль, но со мной это правило не сработало.

Потому, очнувшись, я открыла глаза мгновенно, не пытаюсь себя ни в чем убеждать и отлично все помню. Вот только охватившее меня облегчение резко понизило градус. Воля волей, свобода свободой – но я согласилась прожить семь лет у фейри. Причем в Неблагом Дворе. И то, что согласие дала, будучи практически под гипнозом, совершенно ничего не меняет.

Но надо как-то жить эти семь лет. Желательно в приличных условиях, которых, кстати, мне никто не обещал...

Так. Лежу на чем-то достаточно мягком, но вокруг темно. Только свечка горит в паре метров, выхватывая из тьмы собственный канделябр и стол вокруг себя... Явно стол, причем далеко не новый и уж точно не королевский: потрескавшаяся деревянная поверхность. Странно же. Тем более что канделябр очень красивый, в форме изогнутого цветочного стебля, а свечка вставлена в бутон.

Круг света колыхнулся и поплыл ко мне, переползая на того, кто взял свечу. Морщинистое, довольно уродливое лицо, глубоко утопленные раскосые глазки, а на руке, державшей канделябр, – семь пальцев!

– Очнулась? – не слишком вежливо спросил обладатель свечи. – Так вставай! Дело не ждет.

– Какое дело? – спросила я, садясь. – И не могли бы вы включить свет?

– Зачем?

– Без света не встану, – решительно сообщила я. Мало ли? Вдруг под ногами болото или провал в неведомые подземелья? Всего можно ожидать...

Недовольное фырканье, скрипучий щелчок – и под невысоким потолком разгорелась люстра. Ну как разгорелась... Тускловата, на самом деле. Да и не совсем люстра, так, два рожка с мерцающими шариками вместо лампочек.

Я огляделась.

Ни следа стрельчатых сводов и каменных стен. Крохотная комната, каморка даже, без окон, с простейшей мебелью: стол, стул, комод и узкая кровать, на которой я и сижу. То есть не дворец... Ну и славно. Встретаться с королем и опять колоть себе руку, чтобы не попасть под его чары, не было ни малейшего желания. Хотя зачем ему меня чаровать? Я уже пряха, что бы это ни значило.

Маленький человечек, стоявший почти рядом, шагнул к столу и снова поставил на него свечку. Совсем маленький – наверное, мне по пояс. Жесткие даже на вид, похожие на проволоку волосы, сапожки с загнутыми носами, ярко расшитый камзольчик... Не человек.

- Кто ты?

- Ты можешь называть меня Айкен Драм, - слегка напыщенно ответил... брауни. Да, точно брауни.

«На нем колпак из творога, его звали Айкен Драм...» - мгновенно вспомнился детский стишок. И я задала глупый вопрос:

- А где ваш колпак?

- Поначитаются дряни всякой... - процедил себе под нос брауни. - Нечего рассиживаться, пора за работу!

- Прясть? - невесело предположила я.

- Ну а чего еще?

- Но король даровал мне волю и свободу.

- Свободный разум он даровал, - неласково уточнил недорослик. - И волю передвижения на территории своего Двора. Это не значит, что ты перестала быть пряхой, смертная.

Логично.

- Вот еда, - продолжал Айкен Драм. - Быстро ешь, и я отведу тебя в мастерскую. Пряха должна прясть.

- Каждый день?

- Все пряхи прядут каждый день. Что им еще делать-то!

Отличненько...

- Но у меня есть воля, - попыталась я.

– И что? Радуйся.

Действительно. Пока надо радоваться.

Я пожала плечами, решив временно отложить разборки, и подошла к столу.

М-да... Глиняная мисочка с какой-то кашей, деревянная ложка и глиняная же кружка. Из кружки пахло травой – довольно мерзко, да и вообще я не люблю травяные настои и даже чай. Грустно. Ой, как грустно...

Медленно поедая абсолютно безвкусную кашу, на вид – тыквенную, но не сладкую и даже несоленую, я старалась не думать о грустном. Конечно, голодовку объявлять или требовать чего-то пока рано. Пока еще ничего не решено, не известно, не понятно...

Вот только сдается мне, что уже решено. Каморка для проживания, грубая еда (хорошо, если не раз в день) и прядильный станок. Ручной, конечно, можно не сомневаться. И на фоне увиденного раньше волшебного великолепия это... ужасно!

Хотя одежда брауни при внимательном рассмотрении сильно выбивалась из нищенского интерьера.

Камзольчик, между прочим, расшит серебром. И искусно расшит. А еще он бархатный, как и штаны. И ткань очень, очень хорошего качества. А обувь на нем – вообще произведение искусства. К такому сапожнику в любом модном салоне очередь будет стоять на годы вперед... А вот портной, кстати, позволил себе некоторые небрежности.

Но вывод отсюда единственный: это не просто служка-домовой, приставленный к местным пряхам. Тогда почему именно он мной занимается? Хотя пряхи-то королевские... Вроде бы.

Слабая надежда, зашевелившаяся во мне, заставила спросить:

– А когда я могу увидеть короля?

– Короля-а-а? – насмешливо протянул Айкен. – А зачем ему? Раз уж у тебя вольный разум, смертная, так должна бы и понять: пряжи, конечно, работают на его величество, но сами они ему вовсе не нужны. Притопала сюда, дурища, – так работай и не мечтай ни о чем! Через семь лет тебя отблагодарят материально. Вернешься домой богатенькой, не переживай!

– Да я и так не бедствовала... – пробормотала я. – Вообще-то у меня преуспевающее ателье.

– Портниха, пфе! Ну вот и радуйся, что работа похожа, – отрезал брауни. – А была бы умная, не просила бы воли! Пряла бы себе, ничегошеньки не соображая, да мечтала о его величестве.

Была в его словах очень нехорошая правда. Я даже на секунду пожалела о своем подарке королю. И о том, что встретила на пути того зайчишку...

В голову помимо воли заползли унылые, упаднические мысли. Я ничего не знаю о волшебной стране и уж точно не владею магией. Мне нечего противопоставить тем, кто дышит волшебством с рассвета времен.

Может, действительно проще было бы потерять семь лет в сладком забвении, а не проживать их, каждый день ощущая свое бессилие.

Но падать духом рано!

Я справлюсь. Непременно добыю своего! Пока не знаю, чего именно, но как минимум – нормальных условий проживания.

А как максимум... даже не знаю. В любом случае – посмотреть на настоящих фейри удастся не каждому. И раз я имею право свободного передвижения, значит, могу и по дворцу погулять, верно?

Если до него доберусь...

– Идем уже, доела! – грубо прервал мои размышления Айкен Драм. А когда я встала, схватил меня за руку и потащил за собой.

Из каморки... по полутемному узкому коридору со множеством поворотов... или широкому, светлому и прямому?

Я потрясла головой, заозиралась, пытаюсь притормозить, а потом и вовсе вырвала ладонь из цепких пальцев маленького невежи.

Да, все так! Стоило остановиться, и смутные видения обернулись вполне себе четкой действительностью: коридор был невообразимо широк и чудесно освещен. Стены, обшитые зеленой тканью с лиственным узором, уходили ввысь метра на три. Потолок ярко мерцал изумрудными огоньками. Никаких окон – но по обе стороны, заменяя их, ниши, задернутые изящными гардинами. А под ногами мелкая мраморная плитка травяного оттенка...

Вот только едва я поворачивала голову, как вся зелень сменялась мрачными серо-коричневыми тонами, потухший потолок нависал почти над самой головой, пол устилало невзрачный камень, а от ниш не оставалось и следа.

И я не стала сопротивляться, когда брауни, неразборчиво выругавшись, снова дернул меня за собой.

– Айкен, а что тут на самом деле? – спросила, не переставая оглядываться и закрывая то один, то другой глаз.

– Не то, что ты видишь! – насмешливо откликнулся недорослик и вдруг остановился, толкнул меня вперед. В дверь, на мгновение показавшуюся просто проломом в полуразрушенной стене.

А потом я увидела, что за дверью, и истерически завизжала.

Пауки! Огромные, как слоны! Как чудища из бездарного фильма ужасов – но совершенно реальные, с тускло горящими оранжевыми глазами! Около двух десятков в помещении величиной с трехкомнатную квартиру, они ритмично шевелились и... и...

Не пытались накинуться на меня.

Но с того не легче!

Я продолжала визжать, пытаюсь отпрянуть, выбежать назад. Только крошка-брауни оказался неожиданно сильным.

Меня пихнули вперед, тут же придержали, чтобы не упала, а потом оглушительно проорали:

– Стаах-кре-ламидо!

И все изменилось.

Кроме света: в помещении было не темно. Было так, словно за окнами дождливый день – сумрачный, серый, тоскливый.

И девушки – вовсе не пауки! – сидевшие за прядильными станками, казались тоже серыми, даже чуть прозрачными, туманными какими-то. Они, не отрываясь, работали: тянули нити, нажимали педали. Колеса станков крутились с едва слышным скрипом. Поглощенные своим занятием пряжи даже не обернулись на нас.

Мирная такая картина, на самом деле... Словно со старинной черно-белой фотографии.

Вот только я не была уверена, что эта картина реальна.

Ноги подогнулись от пережитого ужаса, и пришлось сесть прямо на пол, серый и холодный.

– Глазастая какая! – злобно пробурчал над ухом Айкен. – А все воля твоя затребованная!

Я молча подняла на него глаза. Не знаю уж, что рассмотрел в моем взгляде брауни, но вдруг кашлянул и несколько смущенно сказал:

– Да иллюзии это все, поняла? Нет тут никаких пауков, не бойся! Это ты просто видишь больше нужного, да... Ну пойдем, вон станочек свободный... Сама-то разберешься, что делать?

Спокойно, Элла, спокойно! Спокойно и твердо!

– Я никуда не пойду! – сказала тихо, но голос дрогнул, вырвался непроизвольный всхлип.

Здесь? Семь лет работать здесь? В этой... иллюзии?!

Почему-то я ни на грош не сомневалась, что иллюзию вижу именно сейчас. Наспех накинутый морок, предназначенный лично для меня. Семь лет... да я ни минуты здесь не останусь!

В очередной раз вырвавшись из захвата брауни, я вскочила и рванула к двери. Получилось! Захлопнув за собой тяжеленную створку, прислонилась к ней спиной и опять сползла на пол.

Айкен тут же возник прямо передо мной и гневно завопил:

– Да ты что?! Жалкая трусиха! Я же сказал – это иллюзия была! Просто у тебя зрение теперь искаженное, поняла? А ну быстро работать! Станок который день стоит пустой! Это тебе не юбки строчить в твоём дурацком атулью! Это магические нити для тканей мироздания, поняла?! Ответственность такая! Встала быстро и пошла прясть!

Я сильная. Я справлюсь. Я не позволю над собой издеваться! Ну же, Элла, ты можешь!

Встала, подавив всхлип. Аккуратно взяла мелкого поганца за камзольчик, у самого горла, и притянула к себе, так, что он ткнулся лбом мне в живот и сдавленно запротестовал:

– Э-эй, ты что себе позволяешь, дурная человечка! А ну пусти!

Щас. Жаль, что не получится поднять его повыше, для выяснений отношений придется присесть на корточки. Но ничего, ничего...

– Ты немедленно отведешь меня к королю!

– Как бы не так, дура! Жалкая смертная, которая возомнила о себе невесть что!

Не сдержавшись, я с силой оттолкнула брауни. Он отлетел, плюхнулся задницей на пол и от удивления, кажется, потерял дар речи.

– Я – золотая королевская пряха! – отчеканила громко, лихорадочно вспоминая, как там называл меня Кэйворрейн и что это может мне дать. – А ты кто такой? Я не желаю иметь с тобой никаких дел! Я хочу говорить с его величеством. Немедленно! Сейчас же! Отведи меня к нему! Или я...

– Ну что ты, что? – ухмыльнулся пришедший в себя брауни. Подпрыгнул прямо из положения сидя, словно мячик, оскалился, аж проволочные волосы чуть не дыбом встали. – Что ты мне сделаешь?

– Я пожалуюсь королю! И он тебя накажет. За подавление моей свободы и хамство королевской пряхе. А еще придушу тебя как следует!

– Ты понимаешь, с кем разговариваешь, жалкая смертная?! – растерянно спросил этот мерзавец. – Да я...

– Да ты – жалкий низший фейри, лакейская морда и мерзкий хам! – отпарировала я. – И я вообще не хочу с тобой разговаривать. Я буду говорить только с королем. А еще у тебя вытачки скошенные на камзоле! – добавила мстительно. – Портной у тебя такой же уродец, как и ты сам.

Брауни аж задохнулся от возмущения, а я продолжила. Несло уже меня...

– Требую короля! Мне нужен король Кэйворрейн! Эй, вы меня слышите?! Ваше величество, я, ваша золотая пряха, требую аудиенции! Лорд Кэйворрейн!!!
Призываю вас для разговора!

Может быть, у прях действительно есть такая привилегия – общаться с королем в любое нужное ей время. Все-таки ткань мироздания – это вам не перчатки шить... Но увидев перед собой главу Неблагого Двора, я буквально разинула рот от изумления.

– Ну что тут происходит? – недовольно спросили меня и, не дождавшись ответа, перевели прекрасные голубые глаза на брауни. – Айкен? В чем дело?

Вот никакой же не морок, самый же настоящий король. Собственной персоной, ну надо же! И не в парадном виде... Сюртук распахнут, на белоснежной рубашке расстегнуты две верхние пуговицы. Только даже такой «домашний» его величество не потерял ни капли своей безумной красоты. Наоборот, пожалуй. Выглядел более живым.

Он мотнул головой, отбрасывая со лба выбившуюся из сложной прически прядь, и вдруг приблизился вплотную. Неимоверно длинный палец поддел мой подбородок. Губы сложились в улыбку, слегка кривую, слегка растерянную.

– Что случилось, Элла? – мягко спросил он. – Зачем ты меня звала?

Немедленно начав растворяться в прекрасных глазах повелителя, я с ужасом осознала, что понятия не имею, где моя заветная иголка, которая гарантировала сохранность хоть какой-то части мозгов.

– С-с-свобода и воля, – выдохнула я, цепляясь за остатки здравого смысла. – Вы обещали.

Его величество поскучнело и разом стало менее прекрасным. Ровно настолько, чтобы у меня по прежнему замирало дыхание и чутка дрожали колени, но я все же могла соображать.

За неимением лучшего стиснула пальцы, ощущая, как ногти впиваются в кожу.

– Я не чаровал намеренно, – соизволил объясниться король, видимо не желая быть заподозренным в том, что не верен своему слову. – Магия – часть меня, и для того, чтобы ты не реагировала, ее нужно блокировать специально. По крайней мере первое время, пока не выработается иммунитет. Так зачем ты меня звала? Притом так... громко.

На выразительном лице мелькнуло недоумение пополам с досадой. Да, наверное, это действительно странно, когда в твоём замке и в центре твоей же страны орет со всей дури какая-то смертная и тебе надо к ней нестись.

– По делу, ваше величество. Это по вашему распоряжению Айкен Драм разместил меня там... где разместил?

Король нахмурился, развернулся к доселе молчащему брауни и обманчиво мягко спросил:

– И где же проживала моя золотая пряжа?

С маленьким человечком при одном только намеке на недовольство господина начали происходить невероятные метаморфозы. Он одернул костюмчик, а после едва ли не с разбегу бросился на колени перед Кэйворрейном и начал с таким усердием биться лбом об пол, что я даже испуганно отступила на шаг.

Гулкие удары перемежали жалобные вопли:

– Ваше величество! Темнейший! Величайший из Королей! Как же быть бедному Айкену Драму, что же делать жалкому слуге самого прекрасного из Неблагих?

– Ближе к делу, – сухо прервал стоны брауни фейри, и ловко отдернул ногу, сапог на которой Айкен как раз планировал облобызать.

– Хозяин, так не с остальными же пряжами ее селить было? – уже спокойнее проговорил брауни и даже выпрямился, но с колен вставать не спешил. – Она же не зачарованная, у нее надобности есть. Потому и выделил комнатку, а потом привел на рабочее место. Мороком, как водится, прикрыл, но девица через них часто видит, потому вот и устроила скандал. Хотела поссорить бедного Айкена с самым великоле...

– Стоп, – вновь прервал поток дифирамб король.

– Где я сейчас нахожусь? – вклинулась я. – Тут... – махнула на дверь за собой, – действительно мое рабочее место?

Его величество закатило глаза и процедило сквозь зубы:

– Слишком много вопросов... Начнем с последнего.

Я скрыла тяжелый вздох и прикусила язык. Действительно, разбираться с проблемами следует по очереди. А еще следует быть глубоко благодарной за то, что мой прекрасный повелитель вообще явился на зов и дает себе труд вникать в такие, несомненно, мелочи. Что, кстати, весьма странно. Ему что – заняться больше нечем?

Король тем временем шагнул мне за спину и заглянул в дверь – не открывая ее. Просто сунул голову сквозь деревянное полотно... Или это действительно иллюзия, и никакой двери нет?

Удержаться от вопроса оказалось очень трудно, но мне удалось. Как и от сотни других, жгущих язык, словно перец чили.

Да, мне было страшно. Очень страшно. Но и любопытно было ничуть не меньше. А потому – хвала всем богам и кому там еще, что мне встретился пушистый фейри с человеческим личиком. Когда бы иначе у меня появилась возможность увидеть и узнать столько чудес?! Да никогда, понятное дело.

Ну и королю спасибо, верно же? Он мог выбрать не меня – в мире очень, очень много девушек, умеющих шить. Или его величество руководствуется какими-то иными критериями?..

Хотя я совсем не уверена, стоит ли мне и впрямь радоваться его выбору. Чудеса чудесами, но жаловаться на жизнь в реальном мире мне, в общем-то, особо не приходилось...

Тут мне наступили на ногу крохотным, но увесистым каблуком. Вскрикнув от неожиданности, я вынырнула из раздумий и уставилась вниз, на Айкена, который успел вскочить и теперь корчил мне мерзкие рожи: мол, опомнись, дурища!

Подняла глаза на короля. Этот уже вытащил голову из двери и тоже смотрел на меня, явно что-то прикидывая.

– Ваше величество? – робко спросила я.

– О чем думаешь, пряха? – осведомилось величество, буравя меня ярчайшими голубыми омутами, затягивающими в свою бездонную и прекрасную глубину. А может быть, это не омуты, а огни, волшебно красивые, обещающие все наслаждения, которые только доступны женщине, на которую они светят...

Я тряхнула головой, отвела взгляд, выдохнула и ответила:

– О своей работе, ваше величество!

– А ты быстро приспосабливаешься... – протянул король. – Прямо на глазах иммунитет растет. И это странно... Так! Да, это – рабочее место моих прях. Но, пожалуй, не твое. У тебя будет другое. Теперь вернемся к первому вопросу. Айкен, а ну веди меня в ее комнату.

Брауни истово закивал и едва не бегом кинулся назад по коридору. С каждым его шагом коридор менялся: то зеленая ткань, то серые камни, то огоньки на высоком потолке, то мрачно нависающая коричневая плита...

Я опять тряхнула головой. Не помогло.

– Ваше величество, – окликнула, спеша за королем, размашисто шагающим вслед за Айкеном. – Скажите, а нельзя увидеть, каково здесь на самом деле?

Он даже остановился. Медленно обернулся ко мне, скривил четко очерченные губы в ухмылке.

– Элла, Элла... Мало того, что ты не падаешь на колени при виде меня. Мало того, что ты додумалась принести мне подарок. – В его голосе не было злости. Скорее, удивление. – Так еще и любопытствуешь. Где благоговение, моя пряха? А главное, где страх?

Эх, ваше величество! Меня, если честно, то же самое интересует... Но меньше, чем другое.

– Мы находимся в подземелье дворца Неблагого Двора, – вдруг сказал он. – Это его неотъемлемая часть. А потому здесь, как и во всем дворце, нет постоянного дизайна.

Какой современный дивный лорд – слов нет. А у него – есть. Сразу видно, что последние сто лет его величество не только в своем холме сидел.

– Иллюзии? – вернулась к диалогу я.

– Нет-нет. Вовсе не они. Все настоящее! – Король повел рукой, указывая на окружающую нас действительность: сейчас серо-коричневую, вовсе не дворцовую и сильно унылую. – Но оно меняется. Так, как захочет.

– А пряжи? – немедленно спросила я. – Они тоже меняются?

– Нет. Там ты видела морок, наведенный Айкеном.

Чудесно. Еще бы выяснить, что именно было мороком – гигантские пауки или туманные девицы? Девицы или пауки?

И я уже открыла рот, чтобы спросить об этом, но король меня опередил:

– Меняется интерьер и архитектура. Остальное – по-разному. Но у тебя еще будет возможность все увидеть. И будет время для вопросов. А сейчас это время закончилось.

Ну и ладно... Раз пообещал, что будет, я подожду.

Кэйворрейн вновь зашагал по коридору (зеленому и роскошному), очень быстро нагнав мельтешащего впереди брауни, и я молча поспешила за ним.

До каморки, в которой я очнулась, мы добрались просто удивительно быстро – гораздо быстрее, чем шли от нее! Но это уже не удивляло. А вот сама каморка...

Она, скажем так, выросла!

И явно разбогатела! Не то чтобы до королевского состояния, но вполне себе соответствовала моим представлениям о приличных условиях проживания.

Кровать находилась теперь в нише, задернутой прозрачным сиреневым тюлем. За такими же шторками – большое окно с видом на пару растущих прямо перед ним остролистов (это в подземелье-то!). На стенах вместо голой штукатурки – деревянные панели. На полу ковер фиолетовых оттенков. Изящный столик, пара кресел, старинный и очень красивый светлый шифоньер...

На столике по-прежнему стоял изогнутый цветок-канделябр, только бутонов у него (как и свечек) было пять.

Завершала картину маленькая, но приятная кованая люстра с полупрозрачными рожками-колокольчиками в количестве семи штук. Хотя нет. Не завершала.

Вот огромное блюдо с маленькими разнообразными пирожными – это да, достойное завершение! Причем было заметно, что пирожные уже ели – где-то трети не хватает.

Я посмотрела на невинную мордочку брауни и даже восхитилась: вот же гаденыш! Как быстро подсуетился! И ведь точно не морок, просто скоренько наколдовал все!

Правда, напускная невинность Айкена от моего взгляда слегка поплыла и на мгновение – в точности как дизайн коридора! – сменилась умоляющим выражением. Как интересно... И что же с ним сделают, если я расскажу, какой эта каморка была еще час назад? Кому поверит король? А ведь судя по выражению лица мелкого поганца – мне поверит!

В общем, решила молчать. Поссориться с брауни я всегда успею, особенно если учесть его прекрасный нрав. Но, может, теперь у него появится некая искра благодарности? Должник во дворце мне совсем не помешает.

– Бедненько, конечно, – констатировал король, пройдясь по комнате. – Что бы ты хотела еще, Элла? Хотя я понял! Айкен, а где ванная? Туалет? Ты же сам говорил, что у нее есть надобности! А если моя пряха захочет выпить чаю? Где звонок для вызова слуг? – Он заглянул за полог кровати. – И почему только две подушки? Это безобразие, на самом деле!

Как реагировать на это, я не совсем понимала. Шутит?.. Или действительно недоволен?

- Да какие ей слуги, ваше величество... - растерянно пробормотал Айкен.

- А такие! - отрезал король. - Не зря же я назвал ее золотой пряхой. Пусть все соответствует! И вот что еще, - осеменно произнес он. - Перемести ее комнату в мой сектор. Да! И рабочее место организуй рядом. Мастерскую даже. Станок поставь, что там еще...

- Какой станок?! - изумился брауни.

- Ну этот... Прядильный.

- Но ваше...

- Быстро, я сказал!

- Но зачем станок-то... - Айкен выглядел настолько изумленным, что я напряглась.

Кажется, один ответ у меня уже есть. Там, в помещении со станками, мороком были именно девицы. Потому что если необходимость дать мне прядильный станок удивила брауни... То, значит, пряжи ими не пользуют. Бедных девушек просто превращают в пауков. А пауки, как известно, паутину вырабатывают сами, из каких-то там собственных желез. Ох, мамочки, жуть какая...

Все-таки у меня очень сильный характер и поистине железные нервы! Потому что, осознав, кем должна была стать в волшебной стране фейри, я не упала в обморок, не облилась холодным потом и даже не завизжала от ужаса.

А вот накотившая злость едва не полила через край.

Значит, вот так мой король любит меня? Ждет меня? Прямо-таки жить не может без меня, потрясенный моими прелестями? Плакал по ночам, скотина голубоглазая!!!

Очень хотелось закатить громкий скандал, но и этого я не сделала.

Его величество момента моей душевной бури не отследил. Отойдя от кровати, он уселся в кресло, поерзал в нем с недовольным видом (не иначе, жестковато для королевской задницы!) и обратился ко мне:

– Что же ты стоишь, моя пряха? Присядь. Я был уверен, что мой слуга пояснит тебе твои обязанности. Но он явно не справился...

Уничтожающий взгляд в сторону брауни – и уже знакомый стук лба об пол. Частый и ритмичный.

– О величайший из Неблагого Двора! О мой прекраснейший король! Простите жалкого меня, пыль у ваших несравненных ног! – И уже потише: – Но ваше величество не давало мне указаний, и несчастный Айкен Драм виноват не так уж и сильно...

– А я привык думать, что ты у меня сообразительный... – лениво сказал король, и брауни опять принялся биться головой. – Ну ладно, ладно... Прощаю.

– О добрейший из лордов!..

Угу. Добрейший из злейших! Лучший из худших! Достоянейший из отстойнейших!

– Хватит! – рявкнул Кэйворрейн и уставился на меня.

Всякие саркастичные комментарии из головы словно ветром выдуло.

Я смирно сидела на краешке кресла, готовая внимать. Видимо, моя скромность королю понравилась: он ласково улыбнулся.

– Надеюсь, все улажено, Элла? Теперь у тебя будут все удобства и отдельная мастерская.

– Благодарю, ваше величество, – склонила я голову и спросила нейтральным тоном: – В чем же заключаются мои обязанности, ваше величество?

– Ты должна прясть для меня. Создавать волшебные нити, из которых я плету фрагменты мироздания...

– Но я...

– Да-да, ты не умеешь и ты не волшебница. Это неважно, золотая моя. Но знай: в твоей крови, как и у каждой моей пряжи, есть капля магии фейри. Потому у тебя все получится, не сомневайся.

Капля магии? Во мне? Неужели это правда?!

– А...

– Прясть будешь каждый день, – перебил король. – Скажем, часов пять... Или восемь?.. Ну посмотрим! Я привык к определенному объему, знаешь ли... И совершенно не привык все это объяснять! Айкен! Выяснишь, сколько у нее получится за час, и тогда посчитаем.

– Слушаюсь, ваше величество! – поклонился брауни, не вставая с колен.

– И покорми мою пряжу чем-нибудь более существенным, – заметило его доброе величество. – Я знаю, что девушки любят сладкое, но для ее работы необходим белок, ты же знаешь.

Молчи, Элла, молчи!

– Ну и все, пожалуй... – Король встал, сладко потянулся и... зевнул. На его безупречно красивом лице это выглядело безмерно странно! – Работать можешь начать завтра, – милостиво сказал он мне. – А сегодня погуляй по дворцу, раз тебе так уж интересно. И не тревожь меня больше.

– Конечно, ваше величество! – пообещала я.

А Кэйворрейн вдруг протянул руку с невероятно длинными пальцами и потрепал меня по голове. Как котенка...

Наверное, следовало перехватить и облобызать королевскую конечность, но совсем не хотелось. Да и не успела бы: его величество изволило исчезнуть прямо с места, на котором стояло.

Я пожала плечами и потянулась к блюду с пирожными. Ага, точно настоящие! Хотя и не осмелился бы брауни короля-то морочить!

– Я принесу тебе мяса, – буркнули за спиной. – Когда обустрою твоё жильё в королевском секторе.

Мясо, вообще-то, бывает разное.

– Отбивную, пожалуйста, – пожелала я, не оборачиваясь. – С гарниром: зелёный горошек и картофельное пюре. И салатик лёгкий какой-нибудь. С креветками. И чай не забудь.

– Наглая... – пробормотал Айкен.

– Ага, – согласилась я. – Почти такая же, как ты. Но тебе лучше таким не быть, правда?

– Ничтожная смертная...

– Конечно-конечно. Вот я ещё выясню, как ты должен со мной разговаривать. Раз уж мне положены слуги.

– Не те слуги, о каких ты думаешь, – надменно сказал брауни. – Всего лишь низшие духи. А право повелевать мной есть только у короля. Все, что я делаю, я делаю только для него!

Кстати, о правах! Обязанностей у меня, как выяснилось, всего лишь одна: прясть какие-то там волшебные нити. Наверняка не проблема. А вот что насчёт моих прав? Ну кроме как погулять по дворцу?

Глава 3. О дружбе и справедливости

– Сиди в комнате! – обломал мои мечтания вредный брауни и, закрутившись на месте, окутался странным сиянием и внезапно рухнул на колени, впечатывая маленькие ладошки в ковер.

По стенам прошла дрожь, и на одной из них стали проявляться контуры двери. Пока лишь рисунком, затейливой изморозью, но с каждым мгновением створка становилась все более и более материальной.

– Айкен?.. – позвала я, с интересом наблюдая за магией в действии. – А что значит “перемести комнату в королевское крыло”? Разве комнаты можно перемещать?

– Это сид короля, а значит, меняется согласно воле повелителя, – снисходительно фыркнул он в ответ. – Сид – пустой холм, человечка. М-м-м... дом, по-людскому. Они бывают маленькие, размером с нору, а бывают вот такие огромные.

Я лишь кивнула. С родной мифологией я, конечно же, была знакома, но все же одно дело – сказки, передаваемые из уст в уста, а другое – достоверная информация от одного из фейри.

Все то, что я знаю, может быть правдой, а может быть лишь слухами или фантазиями, а потому лучше помалкивать и принимать к сведению.

Зубки я показала, стало быть, сейчас стоит скорее наладить взаимоотношения с окружающими. Айкен, конечно, тот еще... брауни, но не стоит забывать, что все фейри те еще пакостники. И распоряжение короля о том, что золотую пряжу надо холить и лелеять, он легко может обойти. Если захочет.

В общем – будем дружить! Хочет он того или нет.

– Готово, – удовлетворенно сказал предмет моих хищных дум. – В дверь не ходи ближайшие... – Он загнул пальцы, что-то мысленно прикинул и закончил: – полчаса. За ней будет все, что тебе потребуется.

– Спасибо.

Низший фейри лишь фыркнул:

- Это веление темнейшего Кэйворрейна. Еду тебе принесут духи, а мне пора.

И пропал.

Бравада смоталась от меня в тот же момент, как Айкен Драм растворился в воздухе.

Наигранное воодушевление сменил вполне понятный страх. Мысли крутились в голове, и то, что вспоминалось про обитателей Неблагого Двора, заставляло кровь холодеть в жилах.

Каких только тварей не водилось тут согласно легендам!

Величественные мертвые воины – слуга – пировали под чертогами королевских холмов, чьи своды были настолько высоки, что могли вместить даже горных великанов.

Красноколпачные гоблины, что купают свои головные уборы в крови врагов или просто случайных путников.

Прекрасные гвиллионы, властители подгорных пещер, чье великолепие могло соперничать с небосводом в полдень.

Всадники и гончие Дикой Охоты, дурная слава о которых настолько укоренилась в умах людей, что они до сих пор прячутся по домам в ночь, когда в небесах несется кавалькада волшебных воинов.

В общем, в этом свете гулять по дворцу резко расхотелось.

Я присела на роскошное кресло, бездумно погладила деревянные завитки резного подлокотника и запустила пальцы в волосы. И те практически сразу застряли в переплетении прядей.

- Надо расчесаться, - сама себе сказала я.

Почему-то сейчас мне было особенно важно услышать человеческий голос, пусть даже это и будет мой собственный.

Меня медленно, но верно накрывало страхом и паникой.

Семь лет!

Я тут на семь лет!

День за днем, месяц за месяцем мне жить в окружении дивного народа, и это вообще ни разу не прекрасно.

А родители? А моя старенькая бабушка? А, в конце концов, мое ателье, которое только-только начало приносить стабильный доход?! Притом в первую очередь оно было востребовано из-за моих вышивок, стало быть, заменить меня некому.

А я тут. Буду сидеть за прялкой и прясть для короля чрезвычайно ценные нити, из которых он плетет мироздание.

Пальцы невольно сжались в кулаки, и я прерывисто выдохнула, ощущая боль в корнях волос. Выпрямилась, и едва не отшатнулась!

Потому что прямо передо мной висел в воздухе искристый вихрь, в центре которого крутилась... расческа.

Точнее, массажная щетка. Золоченая, со светлой щетиной и зеркальцем на другой стороне она плыла ко мне по воздуху вместе с шепотом, едва слышным, как падающий снег.

– Госпоже потребуется что-то еще?

К моему стыду протянутая за щеткой рука позорно дрожала. Пальцам было решительно плевать на вопли разума о том, что трясущиеся лапки – это недостойно. Нас тут едва в паучих не обратили! Потом на нас орал брауни, вкрадчиво мурлыкал король, а теперь вот духи летают!

Вихрь уплотнился, трансформируясь в подобие детской фигурки. Девочка или мальчик – непонятно. Черты лица смазанные, волосы парят вокруг головы, словно они легче воздуха, а вместо ног все тот же вихрь.

– Как тебя зовут? – спросила я, прижимая к груди обжигающе ледяной металл расчески.

– Тау.

– М-м-м... ты теперь будешь мне помогать, Тау?

Почему-то требовать у короля слуг было просто, а вот спрашивать в лицо, не слуга ли мне этот маленький вихрь, – стыдно и неловко.

– Рад служить золотой пряже, – поклонился дух.

– Спасибо. А где... туалетный столик?

Зеркал в комнате толком не было, а расчесывать свою копну на ощупь не хотелось.

– Ванная комната еще не готова, но я могу создать вам зеркало.

Не успела я кивнуть, как с потолка посыпались снежинки. Стремительно сливаясь между собой, они сначала собрались в снежный шар, а после он превратился в плоский круг с идеальным покрытием, из которого на меня с удивлением пялилась потрепанная обстоятельствами и фейрями блондинка.

Я дотронулась до царапины на щеке, и лишь вздохнула.

– Благодарю тебя, Тау.

– Если понадобится, то достаточно позвать по имени.

Дух поклонился и оставил меня одну.

Причесывалась я медленно, тщательно и печально. И долго. В результате волосы стали мягкими, прямо шелковыми и создали изрядный контраст с внешним видом.

Царапина – ладно. Она заживет. Как и сбитые коленки, как и изодранные, стертые ноги. А вот одежду остается только выкинуть.

Зеркало, созданное духом, висело в воздухе перед моим лицом, и я умещалась в нем лишь до груди. Но хватило и этого.

С ужасом всмотревшись наконец-то в свое отражение, я опустила глаза. Не поверив им, ощупала себя, осмотрела, насколько смогла, и слезы все-таки потекли.

Платье! Это же мое лучшее, выходное, всего один раз надетое платье! Нежно-сиреневое, сшитое собственноручно, подчеркивавшее все лучшее в фигуре, с невесомой нижней юбкой, скроенной так, чтобы создавать иллюзию облака, обвивавшего мои бедра... Ладно – работа, но и ткань обошлась мне в сумасшедшие деньги!

Вцепившись в изодранный, грязный, мокрый почему-то подол, я всхлипывала, пытаюсь понять, какого фейри на мне именно это платье! Хотя... Ну конечно! Я же бежала к своему королю! И одевалась, понятное дело, вовсе не в здравом рассудке! С единственной мыслью: потрясти моего прекрасного короля. Надела лучшее белье – ну хоть с ним ничего не случилось! – лучшее платье, туфли...

Те самые, на высоком каблуке, купленные специально к платью. Они-то мне ноги и стерли, ибо вовсе не предназначены для марафона по неведомой местности. Как еще каблуки не сломала, удивительно! Но туфли можно выкинуть, как и платье. Как и...

Вот что же должно быть в голове, чтобы на все это великолепие надеть длинный махровый теплый халат в котиках?! Мой любимый домашний халат... Превратившийся в безобразную тряпку... Видимо, вместо пальто подхватила – мозги-то не работали.

И в таком вот виде я предстала перед королем Неблагого Двора?! И, кстати, перед его подданными. Mamochka моя, какой позор! Да даже если бы он и питал

ко мне какие-то чувства, они сдохли бы мгновенно, едва я ему на глаза показалась!

Потрясла так потрясла!

А через какое-то время позвала его, права качала, шла рядом, разговаривала... То-то он старался держаться от меня на расстоянии...

Я шмыгнула носом последний раз и решительно направилась к двери, сделанной брауни. Полчаса уже точно прошло!

За дверью оказались очень красиво отделанные совмещенные удобства. Шикарно отделанные, честно сказать. Правда, я бы предпочла что-нибудь уютно-бежевое, а не льдисто-морозное, но жаловаться грех.

Отмокая в овальной мраморной чаше, я с интересом осматривала стеклянные флаконы непривычной формы и без этикеток, выстроившиеся на широких бортиках явно на выбор. В них оказались: шампуни с отчетливыми запахами фруктов (пять штук), гели для душа (ягодные, семь штук), лосьоны для тела (четыре, почему-то с древесными запахами), пены для ванны (карамель, кофе, ваниль)... А еще скрабы, зубные пасты... В общем, расстарался зловерный Айкен на славу. Не иначе, чтобы мне не в чем было его упрекнуть. Интересно только, откуда у него такие познания о женских нуждах? И еще одна странность – флаконы-то явно местные, а вот их содержимое точно из мира смертных. Не брезгают, значит, высокие лорды плодами нашего прогресса.

А вот шифоньер, в который я заглянула, выбравшись наконец из ванны, не впечатлил. Был он девственно пуст и радовал глаз только искусной резьбой полочек и многочисленных плечиков для одежды. Тоже, понятное дело, пустых.

Завернутая в огромное пушистое полотенце, я переминалась с ноги на ногу перед его запахнутыми дверцами и соображала, что же делать. Потом вспомнила про выделенного мне духа, обрадовалась и уже раскрыла рот – позвать, но тут рядом со мной возник Айкен.

– Все в порядке? – мрачно спросил он. – Или еще чего нужно?

– Одеться, – сообщила я, плотнее закутываясь в полотенце. – Мое платье... ну ты сам видел.

Брауни хмыкнул и задумался.

– Сколько с тобой проблем! – заявил он недовольно. – Я могу привести в порядок то, что на тебе было.

А раньше вот не мог?! И потом, я что, семь лет тут буду ходить в одном и том же платье?

– погоди! – осенило меня. – А мои собственные вещи, ну из моей квартиры, ты можешь сюда доставить?

– Его величеству смертная одежда не понравится! – заявил Айкен. – Тебе нужны красивые наряды, чтобы усладить его взор! Раз уж величайший из великих королей соблаговолил дать тебе волю и даже пришел на твой зов, может, и захочет еще с тобой... поговорить. У его величества бывают ну очень странные желания и капризы.

– Вот пусть его величество и обеспечивает меня этими платьями, – огрызнулась я. – А пока принеси мне мои шмотки. Временно.

– Ну... – с сомнением протянул брауни. – Ну ладно. Только ты должна дать мне разрешение.

– Разрешаю! – с облегчением сказала я.

И час спустя обедала, сидя за столиком в стильных голубых джинсах и повседневной клетчатой блузе. Волосы просто скрутила в пучок. Потрясать я никого не хотела – увольте! Достаточно приличного прикида, пусть и – как там выразился Айкен Драм, смертного? Нормального, в общем!

Заказанные мной блюда оказались отличного качества. Вкусные! От себя перевоспитанный королем брауни добавил клюквенное желе и блинчики с нежнейшим творогом. А еще очень старался быть вежливым, хотя это удавалось ему плохо.

Памятуя о том, что с фейри следует дружить, я пригласила его за стол, и Айкен, помявшись, уселся. Щелкнув пальцами, создал себе тарелку и столовые приборы, но ел мало и как-то... осторожно, что ли.

– Все-таки у вас, человечков, нет никаких понятий о субординации, – пробормотал он, принимаясь за блинчик.

– А кто из нас с тобой главнее? – с интересом осведомилась я, отставив фарфоровую чашечку с тонким геометрическим узором. И добавила намеренно: – Ты, наверное?

Вопрос однозначно поставил брауни в тупик. По крайней мере он некоторое время открывал и закрывал рот, видимо, не зная, что сказать.

– Конечно, я! – выдал он наконец. И похвастался: – Больше тебе скажу: в каком-то смысле я здесь главнее некоторых очень даже высокопоставленных лордов.

– Не сомневаюсь, – согласилась я. – Личный слуга короля – это наверняка очень круто. Слушай, а вот я здесь кого-нибудь главнее?

Айкен хмыкнул и пожал плечами.

– Про тебя пока ничего не понятно. Его величество присвоил тебе титул золотой пряжи. Но я не знаю, какие привилегии он дает. Все это, – он обвел рукой комнату, – просто королевская прихоть. А вот что, кроме прихотей... В общем, проблемы одни! Никому не нужные!

Вот и прекрасно. Не у одной же меня должны быть проблемы!

– Тогда давай мы с тобой будем жить мирно? И дружно, – предложила я.

– Ты мне не хозяйка! – мгновенно окрысился брауни.

– Конечно нет! Я и предлагаю тебе дружбу! На равных.

То ли этому фейри никто никогда дружбу не предлагал, то ли не предлагали ее простые смертные, но удивился он так, что я не сдержала улыбки.

- Какой мне от тебя толк, – буркнул он, опомнившись.

- Так можно просто дружить. Без толка!

- Знал я одну человечку... – Он вздохнул и решительно произнес: – Я не могу тебе ответить, пряха! Вдруг наша дружба не понравится королю?

- Я его спрошу, – пообещала я.

- Вот уж не стоит! – с некоторым испугом замотал головой Айкен. – От твоих вопросов одни беды! И меня ни о чем не спрашивай! А то вот так поговоришь с тобой и станешь букашкой, как тот скоге!

- Кто? – удивилась я.

- Низший скоге. Фу, до чего ты туп... необразованная! Скоге – лесной дух, оборотень, в общем-то, – снизошел он до объяснений. – Низшие скоге мелковаты и слабоваты, ни о чем вообще! А языки иной раз распускают, будто и впрямь чего стоят. Как этот твой зайчишка. Вот уж тупой так тупой! Да я б лучше сам в болото жабой сиганул, чем смертной такие вещи говорить!

Стоп-стоп... Зайчишка? Тот, который мне дал совет под угрозой запустить иглу под шкурку? Другие мне и не попадались... Тот самый, благодаря которому я осталась в здравом уме?

- Что, ты говоришь, сделали с этим скоге? – встревоженно спросила я.

- Понизили! – ухмыльнулся Айкен. – Был зайчик, стал жучок! Лишать бессмертных жизни очень сложно, его величество и морочиться не стал ради такой твари.

- Но он же не виноват!

- Как это не виноват? Сама ты, что ли, придумала воли просить? Ладно, хватит пустых разговоров! Пойдем посмотреть твою мастерскую. Воля волей, а работать ты должна! По договору!

Выходя вслед за брауни из комнаты, я молчала. Но чувствовала себя отвратно.

Есть ли справедливость в мире фейри? И если да – то кто ее вершит? Наверняка сам король.

Если бы я знала, что зайчишку накажут за его совет, не тронула бы его? Вряд ли, на самом деле. В конце концов, он первый начал меня оскорблять!

Но... Так нечестно.

И нужно попробовать это исправить.

Разумеется, вот-прямо-щас я никуда не понеслась, были дела понасущнее. Когда я закончила с желе, Айкен немедленно потащил меня из комнаты.

Я на какой-то миг замешкалась, сообразив, что сейчас наконец-то увижу дворец. Настоящий дворец Неблагого Двора! В котором ежечасно и даже ежесекундно все изменяется... Как же это психологически сложно, понимать, что вокруг тебя нет ничего стабильного...

– Элла, что же ты... – проворчал Айкен, дернув мою руку, зажатую в его семипалой ладошке. И добавил: – Как же вы, человеки, медленно привыкаете.

– Фейри иные? – полюбопытствовала я, послушно следуя за брауни, тянувшим меня за рукав. – Люди тоже разные. Кто-то адаптируется ко всему новому быстро, а другие наоборот.

– Значит, самки у вас глупенькие, – все тем же тоном ответствовал провожатый. А на вопрос о фейри и не подумал отвечать.

Никаких странностей я увидеть не успела – вообще ничего не успела! Рядом с моей дверью распахнулась другая – кажется, простая деревянная, и мы оказались в небольшой, но идеально чистой комнатке. В центре, как в страшных сказках, стояла старая прялка, сверкая в свете волшебных огоньков веретеном. Возле нее трехногий стул, примерно той же эпохи, и ярким диссонансом выбивалась поистине драгоценная корзина для уже готовых изделий. Она казалась произведением искусства, несмотря на то, что была сплетена из корней

и лозы, а на углах бортика затейливым украшением раскрывали свои бутоны цветы. Подойдя ближе, я поняла, что они не живые. Не лепестки, а искусно обработанные кристаллы.

– Вот! – гордо выпрямился Айкен Драм и уже более деловито спросил: – Господин, конечно, велел отдыхать, но я бы на твоём месте сразу сел работать.

Угу. Разбежалась и села. Потом ещё раз разбежалась.

И так до тех самых пор, пока не научусь прясть на доисторических прялках. Притом я не увидела никакой шерсти или других материалов из чего можно было бы свивать нити!

Я уже открыла было рот, чтобы поведать Айкену о том, что я совершенно несостоятельна как пряжа, особенно с такими инструментами... но тотчас захлопнула его.

У паучих наверняка никаких проблем с этим делом нет, а я уже и так произвожу впечатление весьма проблемной девы.

Почему-то поднялся иррациональный страх, что со мной могут не захотеть возиться до бесконечности и... да мало ли на что у дивного народца фантазии хватит! Что-то мне подсказывает, что отсутствие здравого смысла было, скорее, милостью по отношению к остальным пряхам.

И кто знает, может, я себе вовсе не привилегии потребовала, а кару?

– Пожалуй, лучше слушаться его величество, – уцепилась я за откровенно натянутый предлог, но брауни воспринял его очень серьёзно и согласился, что да, прекраснейшего и великолепнейшего Кэйворрейна несомненно нужно слушаться!

Бросив прощальный взгляд на прялку, я от души понадеялась, что она окажется волшебной и пряжа появится на веретене сразу же, как я сяду за инструмент. По волшебству!

Глава 4. О том как король попытался облегчить себе жизнь. Не получилось

Айкен Драм отвел меня обратно в комнату, и посоветовал как следует отдохнуть. Чтобы с самого утра броситься свивать нити мироздания для венценосного Сумрачного Плетущего, а то оно мироздание такими темпами скоро по швам трещать начнет.

В общем, весь монолог фейри можно было свести к “Работать, работать и еще раз работать!”

Сев на кровать, я грустно усмехнулась, вспомнив, что в старых сказках обычно дело обстояло как раз таки иначе. Бедным сироткам злые опекуны задавали невыполнимую работенку, а “добрые” фейри за них это делали. Разумеется, потребовав в ответ что-то непотребное вроде первенца.

Интересно, как бы отреагировал Кэйр, если намекнуть ему на этот традиционный взаимобмен? Ниточки? Не вопрос! А ты мне своего первого сына! Хотя, может, у короля их уже десяток...

Нервно похихикав, я стянула одежду и, облачившись в собственную ночную сорочку, забралась под пуховое одеяло – теплое и практически невесомое.

Свет под потолком медленно мерк, словно ощутив, что в нем больше не нуждаются.

В сон я провалилась как в темную яму, на дне которой меня ждал... ОН.

Я стояла в зеркальном зале, и со всех сторон на меня вместо собственного отражения смотрел король. То хмурый и недовольный, то улыбающийся и радостный, то задумчивый, то величественно строгий...

В зеркале справа его голубые глаза потемнели до цвета штормового неба, и я ощущала внутренний трепет и желание сделать что угодно, как угодно, лишь бы на прекрасном лице появилась улыбка.

Но повернув голову, я увидела совсем иное отражение. Красивое лицо светилось внутренним достоинством, а также бесконечным принятием и состраданием. Я чувствовала, всем сердцем, всем телом, что ему неважно, что я смертная и не стою даже его мизинца, что я любима и обожаема!

Именно эта мысль и провела меня в чувство. Стиснув кулаки, я отчаянно пожалела, что со мной нет иголки.

Глупая Элла.

Сон не изменился, вокруг меня по-прежнему был лишь король. Во всех мыслях, во всех образах, в любых ипостасях. Я ходила по залу и рассматривала зеркала словно картинную галерею.

Но теперь слепое обожание плескалось где-то на грани сознания. Временами волны становились мощными и затапливали, но уже не лишали разума целиком.

Кэйворрейн был везде. И везде он был разным.

На троне в роскошных одеждах – и в доспехах на жутком жеребце во главе кавалькады Дикой Охоты. В строгом сюртуке среди так же одетых лордов – и в домашнем халате, стоящий в огромном зале, с потолка которого свисали разнообразные ткани.

Его волосы спускались до поясицы, а острые уши выглядывали из прически, и я сжимала пальцы, борясь с желанием протянуть руку и погладить... коснуться хотя бы стекла, которое его отражает.

Я отвернулась и зажмурилась, чтобы побороть это страстное желание, но стоило открыть глаза, как прямо передо мной возникло еще одно зеркало.

В этот раз оно зашло с козырей!

Оно короля раздевало!

Я ошеломленно открыла рот и, покраснев, захлопала ресницами. Так как в этот раз он словно был настоящим. Живым, яростным... злым! Но влекущим настолько, что стало сложно дышать.

Его величество рывком стянул рубашку, обнажая светлую кожу, скульптурную грудь и мощные руки. И швырнул в кресло с рыком:

– Демонов Филидэль! Чтоб тебя фоморы драли!

В моем затуманенном мозгу мелькнула вполне логичная мысль. Сон мой, красивый мужик тут, стало быть, тоже мой, так почему он во время раздевания рассуждает о других мужиках, а не обо мне?!

Полуобнаженный фейри мерил шагами тот самый зал с тканями. Взор чуть прояснился, и я разглядела, что помещение было двухуровневым. На противоположной стене лестница поднималась на бельэтаж, и он терялся во мраке.

Кэйворрейн вновь приблизился к зеркалу и резкими, отрывистыми движениями начал вытаскивать из волос многочисленные шпильки и заколки. Притом минимум половина из этого явно не для красоты носилась, судя по тому, что становилась видима, лишь упав на поверхность трюмо.

– Фоморы дери Филидэля! – повторился король и обессиленно прислонился лбом к стеклянной поверхности. – А также Оберона и Тионга! И клятый трон заодно!

Он был так близко, что у меня вновь помутился рассудок, и словно из подсознания всплыл вкрадчивый шепот. Низкий, бархатный голос говорил, напоминал...

Твой король величественен и вечен...

Твой король прекрасен и великодушен...

Твой король ждал тебя. Твой король любит тебя!

Твой король хочет, чтобы ты, его пряха, была рядом!

Пальцы вновь двинулись к зеркалу.

Я пыталась сопротивляться, а потому двигалась рука неловко, рывками.

Я должна коснуться стекла – это было ясно как день.

Пока я боролась с собой, король перестал ругаться, быстрым шагом пересек комнату, легко взбежал по ступенькам, и его фигура затерялась в темноте.

Но поздно. Я уже вцепилась в зеркало – и не прошло и секунды, как вывалилась из него с той стороны, упав на коленки.

Меня словно поделили на две части.

Одна была пряхой его величества.

Она свято обожала короля и была уверена, что все, чего бессмертному мужику для полного счастья не хватает, – это ее присутствия. Так как заставить страдать мы бедняжечку никак не можем – надо срочно к нему бежать!

Вторая четко осознавала, что она вновь под властью колдовства, примерно того же, с помощью которого оказалась тут. Но сделать ничего не получалось. Вообще ничего, так как власть над телом была у пряхи, которая стремилась воссоединиться с фейри ее мечты.

Пол в зале оказался холодным и жег мне ноги. Вокруг гуляли сквозняки, с одинаковой небрежностью трогая свисающие с потолка ткани и мою сорочку.

Я встала, отряхнулась и целеустремленно двинула навстречу своему женскому счастью. Чтоб его фоморы драли за компанию с неведомым Филидэлем, который мне тоже заранее не нравился.

Но почти сразу споткнулась о невесть как появившегося на моем пути Айкена Драма.

И тотчас я узнала удивительное: оказывается, шепотом тоже можно орать!

– Ты что тут делаешь?!

– Короля люблю, – едко пояснила я, пытаюсь сладить с непослушным телом. – Стремлюсь вот к нему со всей силы.

– Ты с ума сошла?! – всполошился брауни. – Его нельзя любить! Тем более тебе!

Прозвучало так, словно вот совсем не для меня ягодку растили.

Я обошла Айкена и двинулась к лестнице, но он схватил меня за подол сорочки и уперся пятками в пол. Радостно ощутив, что моя правая рука опять принадлежит мне, а не влюбленной идиотке-пряхе, я вцепилась в тонкое, невероятно мягкое кружево, что метровым полотнищем свисало со сводов и словно белая морская пена оседало на мраморе плит.

Ноги старательно несли меня дальше, но я не сдавалась.

– Я была бы рада, драгоценный брауни! Как только его Неблагое величество перестанет колдовать и ко мне вернется контроль над телом – сразу прекращу!

– Он не колдует! – Брауни обежал меня, и попытался окутать какой-то дымкой. Я лишь чихнула в ответ, вызвав новый поток брани вполголоса.

– Я прям вижу, ага! А ты нет?

– Так, Элла... что же делать?! – Айкен трагически заломил семипалые ручки.

Ощувив, что кружево выскальзывает из пальцев, я торопливо предложила:

– Телепортировать меня сможешь?

– Попробуй! Ты пряха и не хочешь отсюда уходить, и не в моих силах тебя заставить.

Я с размаху влетела в бархатную портьеру, почти с отчаянием глядя на такую близкую лестницу. Восторженная Элла-пряха, наоборот, ей порадовалась.

За следующие несколько секунд мы пытались сладить с моей внезапной страстью самыми разными методами. Айкен, отчаянно стеная о том, что труд хозяина будет испорчен, завернул меня в кусок какой-то ткани. Я наглядно подтвердила его опасения тем, что к чертям все порвала и выбралась.

Следующим этапом стала попытка романтично вынести меня на руках. Брауни ударило молнией.

Я даже не смогла порадоваться, что, кажется, у меня есть какие-то магические способности. Проявляющиеся исключительно от безмерной любви, да-да...

– Может, и пусть? – устало спросила я, цепляясь за кованые лестничные перила и стоя уже на третьей ступеньке. – Ну подумай, спит он. Расколдует, как проснется, и дело с концом.

Лицо у низшего фейри стало такое, словно я предложила Кэйворрейна не разбудить, а зверски над ним надругаться.

– Это же король!

– Тогда сбегай за иголкой! – прошипела я.

– Это сталь! Я не смогу ее взять!

– Оберни чем-то!

– Я же не лорд! Это так не работает.

– Тогда отпускай меня и будь что будет.

- Никогда!

Ругань была бессмысленна и шла уже не по первому кругу. Все это мы обсудили, еще когда Айкен заворачивал меня словно рулетик. И про тишину мы несколько забыли.

А потому голос, что грянул сверху словно раскат грома, оказался неприятной неожиданностью.

- Что здесь происходит?!

Я подняла глазоньки, и от вида предмета обожания в непосредственной близости меня окончательно повело. Восторженно пискнув, я вихрем взлетела по ступенькам и последним усилием воли заставила себя броситься на шею не королю, а соседней статуе.

- Элла?!

- Снимите чары! - с трудом дыша, потребовала я. А после все же не удержалась: - О мой король! О прекрасный, чудесный, любимый!..

Где-то Айкен бился лбом об пол, видимо опережая события. Тишину разбавили уже знакомые причитания о том, как несчастный брауни виноват, хотя на самом деле конечно не виноват, это все гадские человечки.

- Успокойся, - небрежно уронил высший фейри, одним словом прервав истерику своего подданного, а потом повернулся ко мне и, протянув руку, ласково попросил: - Элла, отпусти статую. Нуада Аргетлам велик, но, право, не настолько, чтобы вешаться на него даже в каменном виде. Пойдем, золотая моя?

Глупенькая пряха восторженно пискнула и рванула во тьму вслед за прекрасным и великолепным. Стоило коснуться прохладной кожи Сумрачного Плетущего, как я окончательно перестала владеть собой и безропотно позволила вести меня дальше.

В глазах потемнело, а когда рассеялось, я вздрогнула, осознав, что, кажется, прошло некоторое время.

Мой взгляд блуждал по апартаментам короля, цепляясь за витражные окна. Огромные, стрельчатые, они были распахнуты, и в комнату врвался ветерок, нежно трогая прозрачный тюль и остужая разгоряченное лицо.

А еще я смотрела на серебряный столик на гнутых ножках, на котором располагались блюда с фруктами и хрустальный графин с вином.

Мне вообще нужно было хоть куда-то смотреть, чтобы отрешиться от происходящего. Я сидела на полу, на мягкой подушечке, у обитого бархатом кресла, на котором развалился Кэйворрейн, лениво запустив длинные пальцы в мои волосы.

Ушей коснулась мелодичная речь фейри, притом говорил он уже явно давно:

– ...так что Айкен, боюсь, что пока мы можем лишь наблюдать.

Я дернулась, освобождаясь от ласки, слишком похожей на ту, которой удостоивают верного пса, и метнулась прочь от короля. Подальше! Сев возле стола, из-под растрепанных волос с испугом смотрела на Кэйворрейна и ощущала, что разум больше ничего не застилает.

Обожание пропало.

Остался стыд и... страх. То, что я к нему чувствовала, было настолько сильным, настолько мощным... кажется, в прежней жизни такое обожание я испытывала только по отношению к матери, в раннем детстве.

А особенно жутко то, что я никак не могла это контролировать.

Любовь к королю волшебной страны была поистине жутким чувством.

Фейри, склонив голову, с усмешкой посмотрел на меня, не торопясь потянулся и, бросив взгляд на Айкена, распорядился:

– Налей девушке вина.

Брауни тотчас бросился исполнять веление, а после подскочил ко мне и, вцепившись в локоть, больно рванул вверх:

– Встань, чего расселась! Мало того, что последняя баньши выглядит опрятнее, так еще и расселась при короле. Никаких манер у современных смертных!

Встав, я прислонилась к столу, и мне сунули хрустальный кубок, из которого терпко пахло ягодами и какими-то незнакомыми пряностями.

А у меня дрожали пальцы. Я стиснула их сильнее на изогнутой ножке, сделала большой глоток, практически не почувствовав вкуса королевского вина. Прямо посмотрела на Кэйворрейна и тихо, но твердо спросила:

– Как это можно прекратить?

– А что такое? – В лукавом прищуре голубых глаз по-прежнему читалась откровенная насмешка. – Тебе не нравится меня любить?

Очень хотелось поступить глупо – то есть швырнуть в него кубком. Но я сделала умнее: отпила еще три глотка, чутка успокоилась и хладнокровно ответила:

– Вообще не нравится.

Действительно, а какие плюшки в подобной любви? Пока вся она заключалась в том, что Айкен повалял меня по полу, пытаюсь изолировать от его величества, а я пообнималась со статуей какого-то легендарного лорда во имя тех же целей.

– Твоя холодность радует, – в том же тоне отозвался Кэйворрейн и принял такой же кубок из рук брауни. С видимым удовольствием пригубил и, откинувшись на спинку кресла, заявил: – Видишь ли, Элла, я не наводил на тебя новых чар. Но магия призыва завязана именно на... любовные чары. Их не так-то сложно снять. Однако надо признать, что я ошибся. Днем ты была практически адекватна, а потому я решил, что свобода воли, которую ты потребовала, – решила все проблемы. Но нет.

Угу. Не виноватый я, оно само так работает.

– И что делать?

– Ждать, – повел плечами Кэйворрейн и обаятельно улыбнулся. – И, возможно, познакомиться получше, раз уж в ближайшее время как минимум ночами ты будешь очень ко мне равнодушна. Для начала – можешь звать меня Кэйр. По моему опыту у смертных очень плохая память, да и артикуляция с трудом позволяет выговаривать длинные слова.

Ы-ы-ы!

Заботливый какой, с ума сойти.

– Как так вообще получилось, что вы, могущественный король, Плетущий и прочее-прочее не можете снять свои же чары?

– Элла... – Вновь театральный вздох и косой взгляд из под длинных ресниц. – Я, конечно, могу. Но между пряжами и Плетущим всегда есть особенная связь. Именно она позволяет вам пряхсть для меня самые лучшие нити, а мне создавать из них... да что угодно. Это древнейший уговор, это скрытое от глаз таинство, это нечто волшебное, как и наша земля.

Очень все интересно, конечно, но...

– А при чем тут любовь?

– М-м-м... рассказ будет долгим, пожалуй, тебе лучше присесть, – за моей спиной невесть откуда появилось кресло, чуть менее роскошное, чем у короля. – Итак, как ты знаешь, между смертными и фейри всегда процветал, так сказать, натуральный обмен. Услуга за услугу. Но больше всего дивным народом ценится... м-м-м... назовем это материальным проявлением ваших эмоций. Они могут заключаться в поступках, созданных вещах или сложенных стихах и песнях. Фейри обычно платят либо богатством, либо магическими дарами.

– Это я знаю. Как и то, что часто подаренное дивным народом золото оказывается фальшивым.

– Значит, такой была услуга человека, – не растерялся Кэйворрейн. Кэйр, так действительно проще. Но не из-за артикуляции, если что! – Была пустой, гнилой, корыстной. Мы всегда справедливы. Так вот, вернемся к пряхам. Для того чтобы сплести нити, мне нужны не просто смертные... мне нужны те, в ком искра таланта соседствует с каплей дивной крови. Дальние потомки фейри.

– А почему всегда девушки? – спросила я, подавив невольное смущение. – Или вам влюблять в себя мужчин неприятно?

– Мне совершенно не принципиально, какого пола мои паучки, – любезно заверил добрый и не особо разборчивый король. – Но здесь иное – я мужчина, а потому нужны девушки. Девственные девушки. А вот женщинам из моего Дома как раз требуются мужчины. Что же до того, какими именно эмоциями я создаю связь с пряхами... Тут все просто, моя золотая. Юные девы не хотят идти в волшебную страну за мастерством, да и перспектива тратить семь лет на службу за богатство тоже не особо их прельщает.

– Потому вы маните тем, на что поведется любая девчонка?

– Именно.

– А потом? Просто оборачиваете в паучиху и запираете на семь лет?!

– Ты так говоришь, словно они страдают. Нет, милая Элла. Мои пряхи все семь лет живут в грезах, и да, их король рядом с ними и любит их. Обожает, носит на руках, расплетает по вечерам косы и опускает на холодные простыни, чтобы согреть своим телом. А потом девушки возвращаются в свой мир с богатыми дарами и не сохраняют ни капли памяти о семи годах службы.

Я ощутила, как щеки вспыхивают лихорадочным румянцем, потому что, словно иллюстрируя, в моей голове зажглись картинки этих грез, словно я некогда их уже видела. Жаркие, откровенные, такие, что замирало сердце...

И ведь наверняка я действительно их видела. В грезах, которые навевал Кэйворрейн!

– Семь лет, – повторила я. – Семь!

– У вас проходит гораздо меньше. И я действительно щедр. Они уносят не только дары, но и чары на удачу, здоровье и долголетие. Я хороший хозяин.

Угу. Добрый господин. Вовремя кормлю хомячков, периодически вожу кошек к ветеринару, покупаю корм премиум-класса.

– Но почему... почему пауки?

– Самый близкий к нужному облик. Хотя первое время я пытался оставлять пряхам не только изначальный облик, но и свободный от грез разум. Но это оказалось слишком утомительно.

Доселе молчащий Айкен поддакнул и осуждающе заявил:

– Да, хозяин да. Покоя они вам не давали.

– А что было-то?

– Хотели ответных чувств и всего анонсированного во снах во время призыва, – с чрезвычайно постной физиономией поведало его величество.

Я едва не расхохоталась. Действительно, досада-то какая!

– Наверное, они еще и злились, что вместо единственной и неповторимой возлюбленной у тебя тут гарем с постоянной текучкой кадров?

Сама не заметила, что перешла на «ты». Но Кэйр возражать не стал.

– Да, по этому поводу тоже высказывались, – кивнул он и внезапно сменил тему: – Ну что, полегчало?

Я прислушалась к себе, еще раз смерила взглядом прекрасного до зубовного скрежета остроухого лорда, и поняла, что ничего, кроме естественного восхищения его внешностью, не ощущаю.

Счастье-то какое!

- По моему предположению, свобода воли у тебя есть, пока разум ясен, - тотчас добавил ложку дегтя фейри. - Так что по ночам будет тянуть ко мне.

- Связывать ее можно на ночь, да? - с воодушевлением предложил Айкен Драм.

- Не стоит, - подарил уже ему улыбку правитель. - Думаю, что это будет даже интересно - попробовать снять чары.

- За столько лет вы никогда этим не занимались?!

- Не было необходимости.

Конечно. Куда проще не морочиться и превратить в паучиху!

Очень хотелось возмутиться, но я прикусила язычок и решила, что раз разговор уже находится в этой плоскости, то хорошо бы получить что-то полезное для себя лично.

- Ты сказал, что был бы рад платить мастерством. - Я нервно поерзала, стискивая бокал. - Это действительно можно устроить?

Фейри подался вперед, пристально глядя на меня. От тягучего молчания и этого взора у меня вновь дрогнули пальцы.

- А ты хочешь именно этого? Мастерства?

- Да, - решительно кивнула я и, решив, что король колеблется, торопливо добавила: - Богатство мне не нужно, но я буду счастлива тут чему-то научиться.

Искусство мастеров дивного народа несравнимо ни с чьим другим. Я ни за что не упущу такой возможности!

Он запрокинул голову, искренне рассмеявшись. Потом перекинул волосы, обнажая одно длинное, острое ухо, и кивнул:

– Хорошо, Элла. Я подумаю. А сейчас... ночь в разгаре и тебе пора в свою комнату. Айкен, проводи мою пряху.

– Как прикажет повелитель.

Глава 5. О моей замечательной работе и включении в рацион необходимых продуктов

Остаток ночи спала я плохо. Ну или, наоборот, хорошо. Это как посмотреть... Когда тебе снится твоя обычная, нормальная жизнь, но во сне ты понимаешь, что это только сон, а на самом деле реальность переменялась напрочь и безвозвратно, – и просыпаешься... Это вот хорошо или плохо?!

А вот проснувшись, ощущала себя очень даже прекрасно. То ли потому то кровать была мягче, чем дома, то ли цвет постельного белья располагал к неге и создавал атмосферу уюта и умиротворения. Я вообще люблю сиреневые тона...

Еще за пологом кровати мягко шуршал снег. И я, улыбаясь, слушала тихую мелодию падающих снежинок... до тех пор, пока не проснулась окончательно и не сообразила, что это не снег вовсе, а голос.

– Доброе утро, госпожа! – шептали снежинки. – Моя госпожа проснулась! Ей снились приятные сны, и я качался в их волнах вместе с нею, золотой пряхой... Как же я рад служить вам, о прекрасная госпожа... добрая, нежная, милая...

– Тау? – спросила я, и сиреневый полог качнулся, чуть сдвинулся сбоку, и впустил кусочек искристого вихря.

– Я Тау! – прошелестел уже знакомый дух. – Что угодно моей госпоже? Я ждал, я долго ждал вашего пробуждения! Я готов служить!

Честно сказать, я успела забыть про него. А теперь очень обрадовалась – не то чтобы самому духу, но тому, что это не противный Айкен, который стал бы меня тормозить, куда-то гнать, чего-то требовать. А кроме того, в голосе духа явно слышалась искренняя радость.

- Чего желает моя госпожа?

Вихрь превратился в личико со смазанными чертами и облачком волос. Больше всего это напоминало одуванчик, и я улыбнулась. А дух, какой-то очень уж сегодня разговорчивый, продолжал:

- Завтрак? Ванну? Может быть, принести одежду?

- Сначала ванну, - откликнулась я. - Одежду я могу и сама... - сказала, скорее, себе, но Тау тут же запротестовал:

- О нет, это счастье - услужить моей желанной госпоже!

Глядя на еще сильнее заискрившуюся мордочку духа, я наконец удивилась: с чего, собственно, такой энтузиазм? И спросила:

- А почему счастье?

- Госпожа не такая, как другие... - ответил дух и вдруг замельтешил, задернул полог, а буквально пару секунд спустя сиреневая ткань вновь ушла в сторонку, и на кровать упало платье тех же оттенков.

Я протянула руку, пощупала тончайший шелк предложенного наряда. Не моего. Нечто длинное, воздушное, страшно красивое и... пожалуй, не к месту.

- Тау. Пожалуйста, принеси мне пока халат из шкафа. Такой зеленый, с нарисованными кошечками...

- Госпожа не будет в нем так прекрасна, как в платье! - предупредил дух, но мгновенно исполнил просьбу.

- А какие - другие? - спросила я, накидывая халатик. - Те, кому ты служил раньше?

- Да-а, - ответил мне снежный шорох, став чуть громче. - Леди... Ни одна леди никогда не говорила Тау «Пожалуйста».

– А лорды? – Интересно же!

– Лордам служат другие духи, – не слишком понятно пояснил вихрь, следуя за мной в ванную. – Госпожа желает пену? Кофе, ваниль? Может быть, что-то иное, я принесу?

Вообще я как-то не привыкла, что мне прислуживают. Но обламывать радостного духа не хотелось. К тому же... Если он так ко мне расположен – то будем дружить! Если получится. И получать информацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksandra-cherchen/zamok-na-dvoih-pryaha-korolya-el-fov>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)